

A movie poster for the film 'Я с тобой' (I'm with you). The image is split vertically by a bright blue diagonal light beam. On the left, a young woman with long red hair is shown in profile, smiling and looking up at a young man with short brown hair who is also smiling and looking at her. They are in a festive, brightly lit outdoor setting at night, possibly a fair or festival, with colorful lights and a crowd of people in the background. On the right, an older man with grey hair is shown in profile, smiling and looking down at an older woman with red hair who has her eyes closed and a peaceful expression. They are sitting at a table with coffee cups, suggesting a quiet moment together. The overall mood is romantic and heartwarming.

Я С ТОБОЙ

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

Юрий Верхолин

Я с Тобой

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Я с Тобой / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

«Ваш сын погиб на войне. Но завтра он снова заговорит с вами». В небольшом подмосковном городе это звучит как невозможное чудо. Но корпорация «Потомки» создала технологию, способную сохранить человеческое сознание после смерти. Когда Вадим подписывает военный контракт, он соглашается стать участником программы цифрового бессмертия. Через несколько месяцев его не станет. А ещё через несколько дней мать услышит родной голос снова. Не запись. Не воспоминание. Сам Вадим. Маленькое устройство размером с серебряную монету возвращает семье то, что казалось навсегда потерянным. Сын снова рядом — поддерживает, советует и помогает пережить утрату. Но вскоре именно его голос первым замечает опасность, когда родители оказываются в центре мошеннической схемы, способной лишить их всего. «Я с тобой» — тёплая научно-фантастическая история о семье, надежде и будущем, где смерть больше не означает окончательное прощание.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Юрий Верхолин Я с Тобой

Павловский Посад встречал утро середины августа запахом ткацких фабрик и нагретой воды из озера. Город просыпался медленно, как старый ткацкий станок — со скрипом, натужно, но неумолимо. Вадим стоял у окна своей комнаты на седьмом этаже панельной многоэтажки и смотрел на строительную площадку будущего парка вокруг озера. Краны двигались — медленно, гружено, но двигались. Экскаваторы копали котлованы, самосвалы вывозили грунт, бетономешалки вращали свои красные бочки. Город строился, несмотря на войну. Или назло ей.

Ему было тридцать пять. Возраст, когда мальчишки уже закончились, а мужчины еще не начались по-настоящему. Коренастый, с широкими плечами ткача — профессия, которую он унаследовал от отца, а отец от деда. Три поколения, три смены, один и тот же цех номер четырнадцать. Руки Вадима помнили нить лучше, чем лица людей. Вадим работал на ткацкой фабрике с восемнадцати лет. Станок номер семь знал его руки — шероховатые, с вечными мозолями от ниток и металла. В Павловском Посаде, где всё дышало платками и шерстью, это было обычное дело. Тридцать пять лет — возраст, когда другие уже давно обзаводились детьми, строили пристройки к частным домам или уезжали в другие города Подмосковья или в Москву в поисках работы получше. Но Вадим оставался. Ладони в мозолях, пальцы с навсегда въевшейся в поры краской для денима — фабрика перешла на спецзаказы для военной формы полгода назад.

В зеркале трюмо, доставшегося от бабушки, отражалось лицо, которое женщины называли «интересным». Не красивым — интересным. Сломанный в юности нос, неглубокие морщины вокруг глаз, которых не должно было быть в тридцать пять, русая щетина, которую он

брил раз в три дня, потому что чаще раздражала кожу. Глаза серые, с желтоватыми белками — сказались годы работы в красильном цехе, несмотря на все респираторы.

На тумбочке рядом с кроватью лежала фотография в дешевой пластиковой рамке. Алина. Девушка с длинными каштановыми волосами и родинкой над левой бровью, похожей на крошечную карту незнакомого острова. Они встретились два года.

Вадим часто прокручивал в памяти тот вечер, когда они впервые увидели друг друга. Это было на дискотеке в пустующем цехе бывшей ткацкой фабрики, которую местные прозвали «Фабрика Party». Туда скидывались по тысяче рублей с носа, арендовали старый склад на ночь, вешали зеркальный шар и звали диджея из соседнего города. Вадим пришел с друзьями, уже порядком выпивший, и стоял у колонки, когда на танцпол вышла она. Алина танцевала зажигательно — не так, как танцуют все, а так, как будто музыка текла по её венам вместо крови. Она эффективно двигала бёдрами и ногами, отбивая ритм с какой-то пугающей точностью. В один момент она слегка нагнулась и откинула свои распущенные волосы вперёд — раз! И тут же откинула их назад — два! Как в современных молодежных американских фильмах, где героиня танцует на вечеринке, откидывая волосы в такт музыке. В этот самый момент их взгляды встретились. Алина смотрела прямо на него, глаза в глаза, и между ними пробежала искра — не метафора, а физическое ощущение, будто кто-то щёлкнул зажигалкой в груди. Вадим тогда не подошёл — постеснялся, застыл как дурак. Но через неделю они случайно столкнулись в очереди за кофе, и он наконец выдал из себя: «Привет, я помню тебя с дискотеки». Она улыбнулась и сказала: «Я тоже тебя помню. Ты так и не пригласил танцевать». С тех пор они не расставались.

Алина работала администратором в стоматологии в центре города. Смены по десять часов, вечно недовольные пациенты, бумажная волокита. Денег хватало только на себя — жила с родителями, откладывала на свадьбу по копейкам, изредка позволяла себе дешёвый маникюр. Она не жаловалась — привыкла. Но когда Вадим заговорил о контракте, в её глазах впервые появился страх не за себя.

Вадим планировал сделать предложение в новогоднюю ночь, но война решила иначе.

— Вадь, завтракать будешь? — голос матери донесся из кухни, приглушенный расстоянием и запахом жареного лука.

— Иду.

Он оторвался от окна и прошел по коридору, мимо стен, увешанных коврами и фотографиями. Квартира пахла старыми вещами и новой тревогой. Трехкомнатная хрущевка, где каждый сантиметр был пропитан жизнью тридцати лет. Отцовское кресло с продавленным сиденьем, застеленное пледом, который вязала бабушка еще в девяностом. Материны фиалки на подоконнике — горшки теснились так, что едва помещались. Каждое утро мать приходила любоваться ими, поливала их, чтобы они были свежие и радовали своим видом. Вадим знал, что после его отъезда цветы будут требовать её заботы как никогда. Они всегда чувствовали её руки, её настроение — быстрее, чем люди.

За столом уже сидел отец. Виктор Иванович, пятьдесят восемь лет, с лицом, изрезанным морщинами глубже, чем у сына, и руками, которые дрожали — не от болезни, от нервов. Три года назад на фабрике ему отрезало два пальца на левой руке — циркулярка, ночная смена, человеческий фактор. Теперь он работал кладовщиком ипил феназепам, выписанный неврологом. Сегодня он не пил — пить собирался позже, когда сын вернется из Ногинска.

— Садись, — сказал отец, не поднимая глаз. Голос у него был глухой, как будто говорил из-под воды.

Мать — Нина Павловна, пятьдесят пять, женщина с выцветшими голубыми глазами и вечно озабоченным лицом — поставила на стол тарелку с яичницей и беконом. Она всегда кормила так, будто это был последний прием пищи в ее жизни. Вадим подозревал, что так

оно и было — не последний вообще, но последний в этой конфигурации. Сын дома, отец за столом, война где-то далеко.

— Ты уверен? — спросила мать, садясь напротив. Вопрос, который она задавала каждый день последние две недели.

— Уверен, мам.

— Когда контракт подписывать? — спросила мать, вжимая слово «когда» в начало фразы, как гвоздь.

— Сегодня в Ногинске. В едином пункте отбора.

Отец хрустнул хлебом. Громко, нарочито. Вадим знал этот жест — старик не хотел слышать деталей. Детали делали реальность слишком осязаемой.

Война к западу от страны длилась уже восьмой месяц. Со страной безумных фанатиков нацизма — так говорили по телевизору. Вадим не особо вникал в политику. Ему было плевать на идеологию. Ему нужны были деньги. Свадьба стоила четыреста тысяч. Квартира-студия в новостройке возле озера — еще два с половиной миллиона в ипотеку. Алина работала администратором в стоматологии, ее зарплаты хватало только на себя. Вадим тянул тридцать пять на фабрике, плюс подработки таксистом по вечерам. Война давала триста тысяч в месяц. Триста тысяч за жизнь.

Простейшая арифметика, которую он прокручивал в голове каждую ночь.

После завтрака он пошел в душ. Вода текла ржавая первые три секунды — вечная проблема многоэтажки. Он стоял под горячим потоком и смотрел на свои пальцы. Ноги. Грудь. Все это могло превратиться в фарш в любую минуту. Но он запрещал себе думать об этом. Мысль о смерти вела к параличу воли. Он должен был двигаться вперед, как по канату над пропастью — не глядя вниз.

Отец ждал его в прихожей, когда Вадим вышел из душа, наскоро вытертый полотенцем.

— Возьми, — старик протянул черный нательный крест на кожаном шнурке. — Мой. С двадцати лет ношу. Не снимай.

Вадим взял. Крест был теплым от отцовского тела. Он надел его поверх футболки, потом убрал под ткань.

— Не сниму, пап.

— То-то.

Они не обнялись. В их семье объятия были чем-то инородным, как вегетарианство или йога. Любовь измерялась молчанием и вовремя поданным чаем.

В десять утра Вадим вышел из дома один. Родители остались — мать мыла посуду, отец включил телевизор на новостях. Вадим спустился по лестнице (лифт сломался еще в прошлом месяце), прошел мимо детской площадки, где бабушки уже расселись по скамейкам, и вышел на остановку маршруток.

Он решил ехать на общественном транспорте — так дешевле. Сначала маршрутка до автостанции, потом рейсовый автобус до Ногинска. Дорога занимала около часа, если без пробок. Вадим сел у окна, положил рюкзак на колени. В рюкзаке — паспорт, военный билет, сменная футболка и бутерброды, которые мать сунула на дорогу, завернув в пергамент.

Автобус тронулся. Город поплыл за окном: сначала пятиэтажки, потом частный сектор, потом поля и лесополосы. Вадим смотрел на деревья и считал. Триста тысяч в месяц. За полгода — почти два миллиона. Свадьба, первый взнос за квартиру. Мать сможет уйти на пенсию пораньше. Отец купит новые протезы для пальцев — есть же какие-то современные технологии. Он не думал о смерти. Он запретил себе.

Единый пункт отбора располагался в здании бывшего ПТУ на окраине Ногинска. Трехэтажная постройка советских времен, с облупившейся штукатуркой и треснувшими ступенями. На крыше висел техцветный флаг — огромный, выцветший на солнце. На парковке сто-

яли автобусы с тонированными стеклами и несколько гражданских машин. Возле входа курили человек десять в камуфляже — кто-то уже в форме, кто-то в гражданском, как Вадим.

Внутри пахло казенной тушенкой, хлоркой и потом. Много пота. Вадим прошел по коридору с желтыми стенами до кабинета с табличкой «Пункт приема граждан. Заключение контрактов». Очередь из четырех человек. Все — мужчины от двадцати пяти до сорока. Кто-то с серьезными лицами, кто-то с нарочито беззаботными. Один парень, молодой совсем, с дрожащими руками, постоянно поправлял ремень на штанах, хотя тот и так сидел идеально.

Вадим встал в очередь, достал телефон — написал Алине: «На месте. Все норм». Она ответила сразу: «Люблю тебя. Вернись». Он не ответил. Не потому, что не хотел, а потому, что слова застряли в горле.

Через двадцать минут его пригласили в кабинет. Внутри сидели двое — майор с усталыми глазами и женщина-врач с родинкой на носу. Майор листал его документы, врач смотрела на монитор.

— Вадим Сергеевич, — майор поднял глаза. — Доброволец. Причина?

— Финансовая.

Майор усмехнулся — без веселья, просто растянул губы.

— Честный. Это хорошо. Лучше, чем «за Родину». За Родину, знаете, первый год воюют, второй год пьют, третий — справки собирают. А за деньги человек воюет всегда.

Вадим не ответил. Он ждал.

— Медицинская комиссия вас уже пропустила, — продолжал майор. — Здоровы, годны. Осталось подписать контракт.

Женщина-врач подвинула к нему стопку бумаг. Вадим начал читать, хотя понимал, что это бесполезно — юридический язык был устроен так, чтобы человек в форме не мог ничего понять. Он искал только цифры. Сумму. Сроки. Ответственность.

— Триста тысяч в месяц, — вслух прочитал он. — Аванс сто пятьдесят при подписании.

— Верно, — кивнул майор. — Но это ещё не всё. Вы же из Московской области, из Павловского Посада?

— Да.

— Тогда слушайте внимательно. Для жителей Подмосковья действуют дополнительные региональные выплаты. Единовременная выплата при заключении контракта с Минобороны — 1,9 миллиона рублей от правительства Московской области. Плюс федеральная выплата — 400 тысяч. Итого 2,3 миллиона вы получите сразу после отправки в часть. Помимо ежемесячного довольствия.

Вадим почувствовал, как внутри что-то ёкнуло. 2,3 миллиона. Сразу. Плюс триста тысяч в месяц. Плюс страховка три миллиона семье в случае... Он запретил себе думать о последнем пункте.

— А если... — начал он и запнулся. — А если в бою что-то уничтожу? Технику там, самолёт?

Майор усмехнулся уже по-настоящему, показав жёлтые прокуренные зубы.

— Думаете далеко, боец. Но правильно. За уничтоженную вражескую технику тоже платят отдельно. За сбитый самолёт — триста тысяч. За вертолёт — двести. За танк — сто тысяч. Не самолётами едиными, но суммы такие. Так что если вы там Рэмбо окажетесь, считайте, джекпот сорвали.

Врач хихикнула снова, но Вадим не слушал. Он считал. 2,3 сразу. 300 в месяц. Если прослужить полгода — ещё 1,8. Итого больше четырёх миллионов за полгода. Плюс возможные премии. Алина сможет не работать. Мать закроет ипотеку. Отец купит нормальные протезы.

— Страховка? — переспросил он, возвращаясь к бумагам.

— Три миллиона семье в случае гибели, — повторил майор. — Надеюсь, не пригодится.

Вадим кивнул. Бумаги шуршали под пальцами. Он взял ручку. Подписал. Поставил дату. Второй экземпляр — себе. Третий — в дело.

Майор протянул руку.

— Поздравляю с заключением контракта, боец. Через неделю ждем вас в воинской части по адресу, указанному в предписании. При себе иметь паспорт, военный билет, контракт и личные вещи согласно списку. В день отъезда за вами приедет микроавтобус из учебного центра — ровно в семь утра. Адрес мы знаем.

— Спасибо.

Вадим встал, убрал контракт в рюкзак. Уже собрался выходить, когда дверь в кабинет открылась без стука.

Вошел мужчина. Лет сорока, в дорогом темно-синем костюме, с бейджиком на лацкане пиджака. «Корпорация “Потомки” — Отдел когнитивного копирования». Мужчина был гладко выбрит, пах дорогим одеколоном — сладковато-древесным, с нотками табака. Лицо — непримечательное, такое, которое забываешь через секунду после того, как отвернулся. Серые глаза смотрели спокойно и чуть насмешливо, как у продавца в автосалоне, который знает, что ты все равно купишь машину.

— Прошу прощения за вторжение, — голос мягкий, вкрадчивый. — Вадим Сергеевич? Меня зовут Андрей Викторович. Представитель корпорации «Потомки». Мы сотрудничаем с Министерством обороны в рамках программы психологической поддержки военнослужащих. У нас есть предложение. Оно займет три часа вашего времени.

Майор кивнул — мол, знает, одобряет.

Вадим нахмурился.

— Какое предложение?

— Мы хотим скопировать вашу память и сознание на цифровой носитель.

Тишина повисла в кабинете. Врач с родинкой перестала дышать. Вадим смотрел на представителя «Потомков» и ждал подвоха.

— Зачем? — спросил он.

Андрей Викторович присел на край стола, как старый друг, который вот-вот расскажет нечто важное.

— На войне многое может случиться, Вадим Сергеевич. Контузия, потеря памяти при ранении... и самое худшее. Ваше физическое тело может не вернуться. Но ваша личность — ваши воспоминания, характер, голос — могут жить дальше. Копия сознания поможет восстановить память, если вы получите травму. Или поможет вашим родным пережить утрату. Представьте: мать сможет поговорить с вами после того, как вас не станет. Услышать ваш голос. Получить совет.

Вадим усмехнулся. Усмешка вышла кривой, нервной.

— Я не собираюсь погибать, — сказал он. — Я собираюсь вернуться живым и здоровым. Жениться. Детей завести.

— Конечно, — кивнул Андрей Викторович. — Никто не собирается. Но ремни безопасности в автомобилях пристегивают даже отличные водители.

Врач хихикнула — нервно, сразу зажала рот ладонью.

Вадим молчал. В голове крутилась мысль: идея была замечательная. Копия сознания. Бессмертие в цифре. Он читал про такие эксперименты — американцы делали, китайцы, даже европейцы. Говорили, что технология сырая, но работающая.

— А вы не будете использовать мою копию без моего согласия? — спросил Вадим. Голос прозвучал жестче, чем он планировал. — В махинациях, создании клонов, подменшей? Вдруг через пять лет я выхожу на пенсию, а там уже есть я, который подписал за меня какие-то документы?

Андрей Викторович улыбнулся. Улыбка была идеальной — ни тепла, ни холода.

— Это тестируемая закрытая технология, Вадим Сергеевич. Мы не собираемся использовать вашу копию незаконно. Все строго в рамках подписанного соглашения. Копия будет храниться на защищенном сервере и активируется только при наступлении одного из условий: ваша физическая смерть, тяжелая черепно-мозговая травма с потерей памяти, или по вашему личному запросу после возвращения.

— А если я вернусь живым и здоровым, что с копией?

— Удалим. По вашему требованию.

Вадим посмотрел на майора. Тот кивнул. Выбора, по сути, не было — он уже мысленно согласился. Не потому, что верил в благородство корпораций. А потому, что в его жизни не было лишних трех часов, но было любопытство. И еще — смутная надежда, что если с ним что-то случится, мать не останется совсем одна.

— Хорошо, — сказал Вадим. — Я согласен.

— Отлично, — Андрей Викторович хлопнул в ладоши — сухо, деловито. — Процесс копирования займет три часа. Вам вколют снотворное, если вы не готовы бодрствовать столько времени. Многие предпочитают спать.

— Снотворное, — сказал Вадим. — Давайте снотворное.

— Разумное решение.

Вадим подписал соглашение с «Потомками». Тонкие листы, мелкий шрифт, юридические конструкции, которые он не понимал. Он поставил подпись там, где показали, и дату. Андрей Викторович забрал один экземпляр, второй оставил Вадиму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.